

К. С. Пигров¹

ИРОНИЯ И ЛЮБОВЬ: ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ СМЫСЛЫ КУЛЬТУРЫ

Основанием единства культуры выступает человек, хотя культура в то же время живет всем многообразием универсума. Сократ был не вполне прав, когда отказывался от познания устройства универсума — он не хотел видеть, что не только универсум отражается в душе, но и душа запечатлевается в доступном нам универсуме — в разнообразных культурных артефактах. Поэтому гуманитарная и естественно-научная культура, опирающаяся, соответственно, с одной стороны, на отношение к человеку и, с другой — на отношение человека к универсуму, поскольку обе эти стороны являются носителями человеческих смыслов, — разделяются лишь относительно². Отсюда, из этой относительности внутреннего разделения культуры, вытекают две редуционистские тенденции: или 1) гуманитарная культура, которую мы далее будем называть также гуманита-

ристической, сводится к естественно-научной культуре в духе физикализма, или, напротив, 2) техника и вообще вся естественно-научная новоевропейская культура (так называемая «наука и техника») в духе постпозитивизма сводятся к культуре гуманитарной.

И в самом деле, все науки, поскольку они именно науки, а не «утилитарные инструкции по применению», в сущности гуманитарны, хотя их обращенность к универсуму задает такие специфические черты, которые остаются в тени, если заниматься исключительно человеком, его духом и душой. Кажется, что естествознание и техника отделяются от гуманитаристики довольно определенно: рубежом здесь выступает математика, вообще — использование искусственных языков, прежде всего жесткой и однозначной терминологии, приспособленной для дедуктивных построений. Но ведь, по сути дела, и сама математика в самом глубоком смысле принадлежит гуманитаристике³.

Гуманитарная культура, поскольку она глубинно связана с человеческой сущностью, в своем основании *празднична*⁴. Праздник не столько манифестирует причастность человека к утилитарной горизонтали

¹ Профессор кафедры социальной философии и философии истории Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук. Автор свыше 200 научных работ, в т. ч. монографий: «Творчество и современность», «Научно-техническое творчество: социально-философские проблемы», «Шепот демона: опыт практической философии», «К метафизике праздничного», учебника «Социальная философия»; редактор коллективных монографий «Восточная Европа: концерт культур», «Феномен самодетельного философствования» и др. Член редколлегии журнала «Личность. Культура. Общество».

² См.: Сноу Ч. П. Две культуры и научная революция // Сноу Ч. П. Портреты и размышления, М., 1985.

³ См., например: Курант Р., Роббинс Г. Что такое математика? М., 2001; Пойа Дж. Математика и правдоподобные рассуждения. М., 1975.

⁴ Подробнее см.: Пигров К. С., Смирнов Е. А., Юдин Н. Л. К метафизике праздничности. М., 2011.

жизни (экономика, оборона, производство и потребление средств выживания), сколько обнаруживает фундаментальную вертикаль бытия. Гуманитарное знание постоянно приковывает их внимание не потому, что они пытаются с помощью этого знания чего-то достичь — решить какие-то внешние утилитарные задачи с ее помощью. Гуманитаристика наиболее ясно обнаруживается тогда, когда она — самоцель, а не только средство для чего-то внешнего. Люди занимаются литературой, искусством, религией, философией, филологией, искусствоведением не потому, что они надеются «повысить производительность труда в материальном производстве». Проникновение гуманитарного начала в «науку и технику» наиболее ярко обнаруживается там, где исследования природы, как и технические инновации, также оказываются самоцельными. Более того, именно в том случае в этих областях и достигаются наиболее значимые результаты, когда они не подверстаются под какие-то утилитарные цели. «Одно из наиболее сильных побуждений, ведущих к искусству и науке, — это желание уйти от будничной жизни с ее мучительной жестокостью и безутешной пустотой, уйти от уз вечно меняющихся собственных прихотей. Эта причина толкает людей с тонкими душевными струнами от личных переживаний в мир объективного видения и понимания. Эту причину можно сравнить с тоской, неотразимо влекущей горожанина из шумной и мутной окружающей среды к тихим высокогорным ландшафтам, где взгляд далеко проникает сквозь неподвижный чистый воздух и наслаждается спокойными очертаниями, которые кажутся предназначенными для вечности»¹.

Гуманитаристика, а также и естествознание, и техника, в той мере, в какой они предстают как гуманитаристика в своей самоцельности, — это насыщенная необходимая роскошь. Они, как кажется, не необходимы для нашего биологического выживания, но они жизненно необходимы для собственно человеческой жизни. Дайте нам лишнего, а без необходимого мы как-нибудь обойдемся². Хотя, конечно, можно ставить перед гуманитаристикой и «практические» цели и даже достигать каких-то положительных результатов, скажем, в плане формирования здорового образа жизни или укрепления социального порядка.

Культура в своих базовых горизонтах ориентирована не горизонтально, а вертикально. Она всегда представляет собой в той или иной форме совершаемый прорыв к Абсолюту, к предельным основаниям человеческого бытия. Вот поэтому она и празднична. Она не особенно озабочена нуждами нашего животного организма, не удовлетворяет сама по себе материальные потребности. Она ориентирована на духовные и душевные ценности, а потому артикулирует праздничное начало. Гуманитаристика благодаря празднику, раскрывающему собственно человеческое в человеке, обретает внятный язык. Через праздник в гуманитарной культуре воплощается «призрак рода», о котором Ф. Бэкон высказывался отрицательно. Но ведь в «при-

¹ Эйнштейн А. Мотивы научного исследования // Эйнштейн А. Собр. науч. тр. : в 4 т. М., 1967. Т. 4. С. 40.

² Известный афоризм Оскара Уайльда: "Give me the luxuries and I can dispense with the necessities".

зраке рода» содержится и мощное положительное, эвристическое начало. Он может быть сопоставлен с известным антропологическим принципом³. Разделение «двух культур» в духе упомянутого Ч. П. Сноу есть, по сути, разделение двух принципиально различных отношений к этому «призраку рода». Формула Канта по поводу того, что мы не можем не заниматься теми проблемами, которые в сущности не можем разрешить, относится не только к философии. Эта формула касается и религии, и искусства, и точных, и технических областей. Таким образом идея культуры сближается с абсолютным духом Гегеля⁴.

Однако современный человек лишен той самоуверенности, которой был исполнен панлогизм Гегеля. Сегодня мы особенно остро переживаем всю несопоставимость нашего бытия с бытием не только абсолюта, но и универсума. Мы возвращаемся к трагическому осмыслению дистанции между нашим переживанием бытия и логическим пониманием бесконечности, что так ярко выразил не только Паскаль, но и Ньютон, при всем своем подчеркнутым «естественно-научным» восприятием универсума. Напомним ключевой образ Ньютона, который, по существу, является фундаментальным концептом новоевропейской культуры, осмысляемой философски: "I do not know what I may appear to the world; but to myself I seem to have been only like a boy playing on the sea-shore, and diverting myself in now and then finding a smoother pebble or a prettier shell than ordinary, whilst the great ocean of truth lay all undiscovered before me"⁵.

Именно из-за несоизмеримости задач и человеческих возможностей в гуманитаристике явно или неявно включается измерение *иронии*⁶, на что обычно не обращают внимания. Ирония здесь понимается не в узко повседневном смысле, а именно в смысле философском. А. Блок в своем блестящем, но одностороннем эссе «Ирония» делает акцент только на обыденном значении иронии⁷. Но ирония не может быть сведена к подковерной возне и изощренным уколам честолюбия, где господствует стихия ressentiment. Именно этот ressentimentный аспект подчеркивает та дефиниция иронии, которую мы обнаруживаем и в «Литературной энциклопедии»: «...явно притворное изображение отрицательного явления в положительном виде, чтобы путем доведения до абсурда самой возможности положительной оценки осмеять и дискредитировать данное явление, обратить внимание на тот его недостаток,

³ См., например: Картер Б. Совпадение больших чисел и антропологический принцип в космологии // Космология. Теория и наблюдения. М., 1978. С. 369–370.

⁴ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук : в 3 т. М., 1977. Т. 3 : Философия духа. С. 382–410.

⁵ «Не знаю, чем я могу казаться миру, но сам себе я кажусь только мальчиком, играющим на морском берегу, развлекающимся тем, что иногда отыскиваю камешек более цветистый, чем обыкновенно, или красивую ракушку, в то время как великий океан истины расстилается передо мной неисследованным». URL: <http://avva.livejournal.com/273778.html> (дата обращения: 12.03.2012).

⁶ Об иронии см. классическую работу: Янкевич В. Ирония. Прощение / пер. с фр. В. В. Большакова, Б. М. Скуратова. М., 2004; Осиповская И. А. Ирония и Эрос. Поэтика образного поля. М., 2007. С. 84–104.

⁷ Блок А. Ирония // Блок А. Собр. соч. : в 8 т. М. ; Л., 1962. Т. 5. С. 345–349.

который в ироническом изображении заменяется соответствующим достоинством»¹.

Философская ирония, ведущая свою родословную от Сократа, в противоположность обыденной иронии (так сказать, «иронии Ксантиппы»), есть фундаментальный момент бытия человеческой культуры². Как бы там ни было, но без высокой иронии культура либо теряет свою человечность, либо превращается в самодовольный панлогизм, как в философии Гегеля. Высокая ирония культурного человека, прежде всего по отношению к самому себе, светится в приведенном высказывании Ньютона. Если посмотреть с этой точки зрения на все фундаментальные общие суждения о культуре, то эту иронию можно обнаружить всюду. Возьмем фрагмент известного стихотворения А. Фета:

Не тем, Господь, могуч, непостижим
Ты пред моим мятущимся сознанием,
Что в звездный день Твой светлый серафим
Громадный шар зажег над мирозданием.

Нет, Ты могуч и мне непостижим
Тем, что я сам бессильный и мгновенный,
Несу в груди, как оный серафим,
Огонь сильней и ярче всей Вселенной.

Сколько высокой иронии в этих строках! Величественной иронии, обращенной к человеку, который и ничтожен, и велик. Гуманитаристика, по существу, представляет собой культуру иронии, ясное переживание бесконечной дистанции между миром горным и миром дольным.

В определенных отношениях, поскольку ирония и юмор тесно связаны, гуманитаристика представляет собой культуру человеческого смеха, причем смеха человека над самим собой. По сути, невозможно представить гуманитария, который, приняв «позу мудрости», взирает на мир с исключительно серьезным и скорбным выражением лица. Подлинные гуманитарии учат улыбнуться тогда, когда невозможно не заплакать.

Мы иронизируем не только по отношению к самим себе, но и по отношению к абсолюту — то есть к самому Богу. Ирония — это последнее прибежище для того, чтобы сохранить человеческое достоинство в осознании той несоизмеримости, которая разверзается между абсолютом и моей субъективностью. Гуманитаристика, таким образом, оказывается веселой наукой.

Но на дне человеческой улыбки всегда таится *меланхолия*, снимаемая (в гегелевском смысле) иронией. Иначе говоря, ирония представляет собой последний бастион внутреннего противостояния меланхолии. Слово «меланхолия»³ не часто употребляется сегодня. Мы предпочитаем использовать «современное» понятие «*депрессии*», сциентизированное и отсылающее

¹ Ирония // Литературная энциклопедия. URL: <http://slovari.yandex.ru>

² Разумеется, ирония Сократа и ирония Ксантиппы находятся в сложных отношениях, которые не могут быть сведены к простому взаимному отрицанию, но обсуждение данного вопроса вышло бы нас за пределы данной статьи.

³ См. многочисленные интерпретации гравюры А. Дюрера «Меланхолия».

нас к психологии, психотерапии, медицине как к естественным и даже техническим наукам. («Если у тебя депрессия, прими таблетку!» Но от меланхолии в принципе не помогут таблетки!) Поэтому мы и говорим не о депрессии, а о меланхолии, чтобы преодолеть одностороннюю естественно-научную нацеленность современного сознания.

Если говорить об иронии попросту, то в конце концов это всего-навсего способ *никогда* не падать духом. Ирония — это способ сохранения достоинства в трагических обстоятельствах. Фильм Роберто Бенини «Жизнь прекрасна» есть классический образец последовательно и до конца проведенного принципа высокой иронии⁴.

На скрытую и явную иронию обречен разум. Он просто не может не пойти по пути иронии. Настоящий философский разум наполнен сожалением (может быть, ностальгией) по тому, что мы при наших вселенских амбициях не всецельны. Капля воды может убить каждого из нас. И это наполняет нас, способных мыслить о вечности, высоким сожалением:

Не жизни жаль с томительным дыханьем,
Что жизнь и смерть? А жаль того огня,
Что просиял над целым мирозданием,
И в ночь идет, и плачет, уходя⁵.

Рассудок, напротив, идет, как кажется, не по пути иронии, а по циническому пути⁶. И вот здесь будто бы возникает существенное расхождение. Рассудок — это путь *сведения* субъекта к объекту. Это путь редукции человеческой индивидуальности, которая пытается сказать «Нет!» любым обстоятельствам, — редукции индивидуальности к «объективным законам развития». И циническое объяснение смерти Базаровым: «Одно знаю, я умру, и из моей могилы лопух вырастет», — вот завершенная формула цинизма. «Наука и техника», которые забыли или помнили не хотят о своем гуманитарном призвании, так или иначе идут по пути цинизма либо в создании оружия массового уничтожения, либо в «научно обоснованном» попрании базовых моральных ценностей. Гуманитаристика отвечает на такие демарши взволнованным негодованием, которое иногда отрезвляет.

Не будем торопиться осуждать рассудок, однозначно моралистически противопоставляя его разуму. Если уж говорить о Базарове, то отметим, что его жизненная позиция — это также позиция иронии, причем не мелкой иронии, а именно высокой иронии по отношению к гуманитаристике, олицетворением которой оказывается Павел Петрович. Базаров обличает прекраснотупые гуманитаристики, и за прошедшие 150 лет со дня выхода романа нельзя сказать, что Павел Петрович «победил» Базарова, или наоборот, Базаров «победил» Павла Петровича. Здесь отчетливо выявилась некоторая фундаментальная антиномия внутри культуры,

⁴ В частности, фильм Марюса Вайсберга «Гитлер капут!» — это пародия или, может быть, парафраз к фильму Роберто Бенини. Низкая ирония по отношению к высокой иронии.

⁵ Фет А. А. Л. Бржеской // Фет А. А. Лирика. М., 1966. С. 120–121

⁶ См.: Слотердайт П. Критика цинического разума. Екатеринбург, 2001.

разрешить которую невозможно, но возможно дистанцироваться от нее в иронии: не только «лирики» иронически относятся к «физикам», но и «физики» (причем не без основания!) относятся иронически к «лирикам». И вот в таком взаимно ироническом отношении и состоит культура как процесс или, может быть, как экссесс.

Призвание человека культуры, человека образованного, ученого, в частности подлинного универсанта, — взлететь над дисциплинарным членением, над цинизмом, на который провоцируют естественнонаучные дисциплины, и над прекраснотушим гуманитаристикой в видении целостности культуры. Поэтому во всяком университете гуманитарные факультеты жизненно необходимы, как, вообще говоря, необходимы и естественнонаучные факультеты. Они — гнезда взаимно иронического в культуре.

В культуре мы — вне времени. Есть ли в гуманитарном измерении знания вообще что-то существенно новое по сравнению с XVIII–XX веками? Вряд ли! В гуманитарных науках говорить о «движении вперед» по меньшей мере неправомерно. Аналогичным образом, как показал, к примеру, Т. Кун, эфемерен и «прогресс» естественнонаучных областей культуры, хотя еще 200 лет назад этот прогресс казался несомненным¹.

Отсюда один весьма практический вывод в нашей торопящейся (куда!?) цивилизации. Если времени в культуре, обращенной к эйдосам, по существу нет, если нет прогресса в культуре, то куда торопиться?! Гуманитаристика учит, в сущности, одной мудрости: «Не торопись!»² Отсюда медленное чтение филолога и медленное чтение философа. Ирония, внутренне пронизывающая культуру, делает торопящегося гуманитария смешным, как, впрочем, смешон любой деятель культуры, который боится «не успеть». Смысл культуры — в терпении и неторопливости, освещенных высокой иронией.

Одного измерения иронии, придающего жизнь культуре, конечно, недостаточно, чтобы раскрыть суть смыслов культуры. Культура — это способность внешне, беззаветно *любить*. Причем, говоря о любви, мы не имеем в виду в первую очередь общепринятое ее понимание как отношение человека к человеку, а особо положительное отношение к артефактам культуры, скажем, к произведениям искусства, святыням религии, к текстам классиков философии и др. Любовь к произведениям культуры обнаруживается в ведании ими, но сама любовь к этим артефактам, может быть, даже важнее, чем их знание. Пусть наивная школьница думает, что «Герой нашего времени» написан Гоголем, но если она искренне любит это произведение, мы готовы простить ошибку, легко поправимую при наличии любви. Любовь стоит неизмеримо выше равнодушно-

го ведания ремесленника-архивариуса! Если есть любовь, знание в конце концов придет. Знание есть функция любви в большей мере, чем любовь — функция знания. Пусть человек полагает, что английское слово “star” происходит от русского слова «старцы», ибо, мол, умершие старцы в виде звездочек смотрят на нас с небес. Пусть это неверно, но как истинно! «Плохая физика, но зато какая поэзия!» Поэтому я, к примеру, люблю самодельных философов, выражающих саму стихию философствования, которое есть в своей основе не что иное, как именно стихия любви к философии³.

Любовь к артефактам культуры бескорытна и стоит по ту сторону каких-либо меркантильных выгод или удовлетворения тщеславия. Подлинное отношение к культуре предполагает, что мы не для того читаем, чтобы написать что-то «миропотрясающее», что оставит наше имя в веках, а для того пишем, чтобы действительно понять, что мы читаем. Эту великую и фундаментальную любовь к классическим артефактам культуры прекрасно выразил поздний Борхес: «Иные гордятся каждой написанной книгой, я — любовью прочтенной... Хороший ли я писатель, не знаю; но читатель, я смею думать, неплохой, и уж в любом случае чуткий и благодарный. <...> Я знаю, что роман — жанр не менее искусственный, чем аллегория или опера, но включаю и романы, потому что они тоже вошли в мою жизнь... Мы <...> чтобы собрать воедино все тексты, которые были важными для нас, обходим дворцы и галереи памяти, как писал святой Августин... Книга — вещь среди других вещей, том, затерянный среди других томов, наполняющих равнодушный мир, пока она не найдет своего читателя, человека, которому предназначены ее символы. Из этой встречи и рождается неповторимое чувство, называемое красотой, чудесная тайна, расшифровать которую не под силу ни психологии, ни риторике. “Роза цветет безо всякого почему”, — сказал Ангел Силезий, а Уистлер через несколько веков заявил: “Искусство существует — и все”»⁴.

В предисловии к «Семи вечерам» Борхеса существенно то, что самозабвенная любовь к книгам протекает на фоне высокой супружеской любви к Марии Кодиме. Здесь намечаются пути выстраивания человеческих отношений вместе с любовью к артефактам культуры.

Те фундаментальные измерения культуры, на которых мы попытались сосредоточить внимание в данной статье, а именно — всегда присутствующие в подлинной культуре и органичные ей измерения высокой иронии и любви, в новых условиях помогают нам на затуманенном небосводе обнаружить те «неподвижные звезды» человеческого бытия, без которых оно потеряло бы смысл.

³ См., например: Пигров К. С. Феномен самодельного философствования в современном Петербурге (О бескорыстной и безответной любви к философии) // Петербургская философия как феномен русской духовности : тез. Первой ежегод. конф. С.-Петерб. ассоциации философов. Санкт-Петербург, 16–17 ноября 1998 г. СПб., 1998. С. 90–92.

⁴ Борхес Х. Л. Семь вечеров / пер. с исп. В. С. Кулагиной-Ярцевой // Борхес Х. Л. Собр. соч. : в 4 т. 2-е изд., испр. СПб., 2005. Т. 4 : Произведения, 1980–1986; Посмертные публикации. С. 31.

¹ Кун Т. Структура научных революций. М., 1975.

² См.: Пигров К. С. Желание как терпение // Философия желания : сб. ст. / под ред. И. В. Кузина. СПб., 2005. С. 113–116.